

РОССИЯ И ЧЕРКЕСИЯ – ТРАГЕДИЯ БЕСКОМПРОМИССНОСТИ¹**Я.А. ГОРДИН**

Смысл предлагаемой работы в том, чтобы на основании известного материала – мемуаров, официальных документов, проектов «замирения» Кавказа попытаться найти ответ на вопрос – была ли жестко детерминирована трагедия Черкесии или существовал иной – более гуманный и приемлемый для адыгских народов вариант.

Надо сказать, что фундаментальные просчеты, допущенные русским командованием во время Кавказской войны и, быть может, в особенности на Западном Кавказе в начале 1860-х годов, заложили печальную традицию, тяжело аукнувшуюся во время двух Чеченских войн нашего времени. Поэтому для понимания кавказско-русской драмы второй половины 1990-х – начала 2000-х годов, последствия которых отнюдь не изжиты, необходимо понять – или хотя бы попытаться понять – причины трагедии Черкесии.

На конференции «Будущее российского федерализма: политический и этнический факторы» директор Института этнологии и антропологии профессор Валерий Александрович Тишков сказал: «На Северном Кавказе современная российская политика совершила наиболее трагические ошибки, допустив массовые жертвы и разрушения, за которые российская власть несет ответственность. Применительно к Северному Кавказу имеет место также провал отечественной обществоведческой экспертизы». Это было сказано в феврале 2000 года.

Если заменить Северный Кавказ на Западный и, соответственно, поменять дату, то приведенные жесткие слова, вполне могут быть отнесены к ситуации за полтора века до того.

В 1864 году генерал Ростислав Фадеев, человек несокрушимой имперской закваски, но в то же время способный адекватно оценивать реальность, писал в своих «Письмах с Кавказа», опубликованных в «Московских новостях»: «Не было никакого общего плана для управления покорными и вновь покоряющимися горцами для уравнивания различных общественных элементов, боровшихся в среде их, элементов, из которых одни были благоприятны, другие враждебны... Мы действовали одною силой оружия, без политики и оттого везде встречали врагов и ни одного доброжелателя».

Собственно говоря, генерал Р. Фадеев по сути сказал то, что через без малого полтора века заявил профессор В.А. Тишков – отсутствие глубокого осмысления ситуации и упование на грубую силу вместо «политики».

Отсутствие, если пользоваться современной терминологией, экспертного сообщества, вовремя Кавказской войны XIX века приводило к тому, что неизменно побеждала ставка, на грубую силу. В качестве экспертов выступали различные группы кавказского генералитета и офицерства, в объективности

¹ Статья подготовлена на основе доклада, представленного на Международной научной конференции «Адыги (черкесы) история и современность» (25-27 апр. 2014 г. Нальчик, Россия).

которых высшая петербургская, власть имела основания сомневаться. А потому Петербург не мог выработать последовательной политики, склоняясь то к одной, то к другой позиции. И в конечном счете выбирая наиболее простой путь.

Для того, чтобы понять атмосферу, в которой генералы-кавказцы формировали свои взгляды на способы «замирения» горцев, надо представить себе, хотя бы кратко, характер восприятия горцев, русским офицерством.

Восприятие это отнюдь не было черно-белым. Наряду с активным неприятием «хищников», существовал и другой взгляд.

Восприятие горца имело целый ряд принципиальных аспектов, начиная с пристрастия русских военных к горскому костюму и оружию, что имело отнюдь не только прагматический смысл, и до высокой оценки нравственных качеств горца.

В удивительном по глубине очерке Лермонтова «Кавказец», не пропущенный цензурой при жизни автора и опубликованный только в 1928 году, есть чрезвычайно важный для нашей темы портрет русского офицера: «... Не зная истории России и европейской политики, он пристрастился к поэтическим преданиям народа воинственного. Он понял вполне, нравы и обычаи горцев, узнал по именам их богатырей, запомнил родословные главных семейств... Он легонько маракует по-татарски; у него завелась шашка, настоящая гурда, кинжал – старый базалай, пистолет закубанской отделки, отличная крымская винтовка, которую он сам смазывает, лошадь – чистый Шаллох и весь костюм черкесский, который надевается только в важных случаях и шит ему в подарок какой-нибудь дикой княгиней. Страсть его ко всему черкесскому доходит до невероятия... О горцах он вот так отзывается: «Хороший народ, только уж такие азиаты! Кабардинцы просто молодцы; ну есть и между шапсугами народ изрядный...» [8, с. 316].

При этом, естественно, он выполняет свой долг русского офицера – воюет с горцами и убивает горцев.

Но многолетняя Кавказская война создала совершенно особый психологический климат. В воспоминаниях полковника К. Бенкендорфа, убежденного «кавказца» есть удивительный эпизод: «Однажды, в одном селении в базарный день возникла ссора между чеченцами и апшеронцами; куринцы не преминули принять в ней серьезное участие. Но кому они пришли на помощь? Конечно не апшеронцам! «Как нам не защищать чеченцев, – говорили куринские солдаты, – они наши братья, вот уже 20 лет, как мы с ними деремся!» [12, с. 365].

М.Ф. Федоров, автор «Походных записок на Кавказе», разжалованный за служебное упущение офицер, в 1830-х годах служивший на Западном Кавказе, вспоминал: «... Мы истребили четыре больших аула и несколько встреченных на походе отдельных жилищ ... При этом, мне невольно пришел на память ответ великого князя Московского Дмитрия послу Мамаю, в трагедии Владислава Александровича Озерова:

Посол. Или не помните Батыевых побед?

Дмитрий. Для мести нам Батый оставил вечный след.

Такое изречение в первых годах настоящего столетия еще действительно заслуживало рукоплесканий, но в настоящее время, когда конвой Его Величества и главнокомандующих состоит из кавказские горцев, такой способ ведения войны нельзя назвать справедливым» [14, с. 24].

Тот же Федоров рисует чрезвычайно, важную для понимания гипотетических возможностей «замирения» картину: «Соседями анапского поселения были немирные племена: натухайцы и шапсуги. Во время управления поселением коменданта фон-Бринка, старшины этих, племен имели к нему особенное уважение... Весьма часто случалось видеть на полевых работах поселянина рядом с черкешенкою, поселянку рядом с черкесами, за всем тем, весьма редко возникали какие-нибудь жалобы; серьезных же происшествий во время моего пребывания ни разу не случалось. Соседство шапсугов и натухайцев было более даже полезно, чем вредно для поселения; соседние жители аулов этого народа всегда заблаговременно извещали коменданта о намерениях более отдаленных от крепости племен... В самой крепости учреждена была по три раза в неделю на избранной площади меновая, торговля – «сатувка» (от черкесского глагола «сату» – менять). Черкесы привозили на сатувку преимущественно мед, воск, баранье сало, масло, татарский сыр, иногда баранов, рогатый скот и вооружение, по большей части древнее, со знаками и надписями времен крестовых походов, панцыри, кольчуги, шлемы, налокотники, луки, стрелы, пашки и кинжалы.... Горцы высоко уважали Егора Егоровича Еринка за его строгую справедливость при разборе споров и жалоб, за его бескорыстие, радушное гостеприимство неустрашимость, или, лучше сказать, доверие его к горцам: случалось, что человек до тридцати вооруженных черкесов ночевали в его комнатах; он был один вместе с ними и постоянно без оружия. Нельзя не удивляться, как он, своими рассказами, умел заставить горцев благоговеть пред именем нашего Государя Императора: 6-го декабря этого (1840) года в день тезоименитства Его Величества, двадцать шесть почетных натухайцев и шапсугов за особым столом обедали у коменданта, пили шампанское за здоровье Государя и вместе с нами кричали ура!.. Во время управления фон-Бринка крепостью и анапским поселением пять ближайших аулов изъявили, покорность, дали: присягу и аманатов и это покорение не стоило ни одной капли человеческой крови» [14, с. 180].

Нет причин не верить Федорову. Но его свидетельство говорит о том, что ситуация на Черноморской линии в роковом 1849 году никак не сказалась на положении вокруг Анапы. Очевидно, это в немалой степени зависело от поведения местного российского начальства.

Офицер Генерального Штаба князь И. Шаховской, служивший на Западном Кавказе в 1830-е годы, писал: «Кабардинцев мы, русские, иначе не знали как с дурной стороны; я же, познакомившись с ними ближе, напротив, пришел к другому заключению: их мирный и патриархальный домашний быт, гостеприимство и радушие при врожденной отваге, вселяют к ним невольное уважение» [15, с. 451].

Можно было бы множить отзывы такого рода, но и так понятно, что мир Кавказской войны, в котором переплетались вражда и дружба, ненависть и взаимное уважение, давал психологические основания для поисков взаимоприемлемого компромисса.

С ермоловских времен в кавказской стратегии России боролись два направления: экономическое и психологическое сближение с горскими народами для того, чтобы исподволь убедить их в преимуществе вхождения в структуру Российской империи, с одной стороны, и жесткое подавление любого сопротивления, постоянная демонстрация военного превосходства.

Как известно, ярким и убежденным представителем первого направления был адмирал Н.С. Мордвинов, написавший в 1816 году специальное наставление отправляющемуся на Кавказ Ермолову. Это был манифест первого направления.

Н.С. Мордвинов, декларировал: «Таковых народов оружием покорить невозможно». И предлагал иной путь: «Чтобы покорить народы, кои ближе к дикому, нежели образованному состоянию, должно их приучить к тому, что Россия производит и чем может их всегда снабжать. Должно увеличить число вещей, им потребных, должно возродить в них новые желания, но вне привычки, должно ознакомить их с нашими наслаждениями, нашими увеселениями и умягчить суровую нравственность их нашим роскошеством, сблизить их к нам понятиями...». Н.С. Мордвинов толковал о нравственном сближении «с жителями гор Кавказских» [2, с. 151].

Ермолов, как мы знаем, не внял увещаниям мудрого адмирала и, по сути дела, потерпел поражение. Наиболее острая фаза войны началась после него и длилась еще без малого тридцать лет. Хотя в самом конце своего проконсульства, когда произошло массовое восстание казалось бы уже замиренной Чечни, восстание впервые после шейха Мансура окрашенное религиозно, он попытался сменить стратегию.

Нечто подобное произошло и с первым «замирителем» Кавказа князем П.Д. Цициановым, начавшим с непреклонной жесткости и пришедшей через несколько лет к поискам компромиссного варианта.

Фактическим продолжателем идей Н.С. Мордвинова оказался через четверть века военный практик, командовавший Черноморской линией Н.Н. Раевский-младший.

В марте 1840 года он писал командиру Кавказского корпуса Е.А. Головину: «Долг службы и совесть заставляют меня повторить то, что я говорил прежде и в чем всегда был убежден: одна миролюбивая система с черкесами может привести к прочному их покорению, – всякая другая, основанная на разорениях и кровопролитиях, вредна и противна великодушным намерениям Монарха; торговля, сближая горцев с нами, доставляет огромные выгоды гарнизонам, уменьшая контрабанду, не может иметь вредных последствий; уничтожение торговли лишит нас плодов, приобретенных от постоянного следования системе мира, уронит доверенность к нам горцев, покажет только нашу слабость, повлечет за собою все бесчисленные и грязные злоупотребления, неразлучные с разбойничьей войной, которую называют

частными экспедициями или набегами, и отдалит время покорения Черкесского края» [3, с. 385].

Возбужденный тон рапорта Раевского был вызван тем, что он находился в остром конфликте со своим непосредственным начальником, генералом П.Х. Граббе, сторонником исключительно силовых мер и не щадившем ни горцев, ни собственных солдат.

А непосредственной причиной очередной попытки Раевского убедить Головина в своей правоте, были катастрофические события на линии. В феврале того же 1840-го года началось тотальное наступление черкесов на прибрежные крепости, произошел захват нескольких из них и гибель гарнизонов. Одной из главных причин этой отчаянной акции была продовольственная блокада, на которой настаивал П.Х. Граббе.

Идея Раевского не получила полной поддержки. В конце концов, голод был выбран как эффективное оружие. Он и был таковым.

Если вспомнить рассказ Федорова о поведении натухайцев и шапсугов в районе Анапы, то очевидно, что торговля и демонстрация уважения способны установить подобие мира на локальном пространстве. Хотя, разумеется, идеи как Н.С. Мордвинова, так и Раевского, не были ключом к разрешению фундаментального конфликта представлений.

Представления высшей власти и радикальной части кавказского генералитета не всегда совпадали. Петербург, где достаточно приблизительно представляли себе ситуацию на Кавказе, был настроен более миролюбиво. Если генерал Граббе видел в горах смертельных врагов, то император Николай Павлович – неразумных подданных, а в перспективе – мирных подданных.

В 1841 году Раевского на должности начальника Черноморской линией сменил генерал И.Р. Анреп. Он исповедовал те же стратегические идеи, что и Раевский. И когда ему удалось договориться после катастрофы 1840-го года – в июле 1841 года – о принесении присяги на верность российскому императору народом джигетов и убыхским князем Аулбла-Ахметовым, то император удостоил генерала благодарственного рескрипта.

«Господин генерал-майор Анреп! Рассмотрев донесение ваше к командиру отдельного кавказского корпуса о добровольной покорности, изъявленной прибрежными джигетами и частью убыхов, Я, к истинному Моему удовольствию, вижу в этом неожиданном событии доказательство благоразумных ваших действий и распоряжений к водворению тишины, спокойствия и порядка на вверенном вам берегу. Мерами кротости и убеждения, чувствам моим вполне соответствующими, важная эта цель достигается гораздо прочнее, нежели силою оружия. Я остаюсь уверенным, что это благое начало, поддерживаемое постоянным доброхотством и строгою справедливостью к племенам, изъявившим покорность правительству, а с другой стороны неослабленными и решительными действиями против непокорных, будут иметь самые благоприятные, содействия...» [14, с. 195].

В ноябре того же года Николай снова благодарил Анрепа за то, что «достигая с твердостью предназначенной цели, преимущественно употреблены были в сем случае меры кротости и миролюбивых сношений с горскими

племенами и тем самым положено доброе начало к совершенному их покорению».

Но дело в том, что представления о будущем «покоренных племен» у российской стороны и у горцев были существенно разными.

Генерал Граббе в 1840 году составил «Условия, предписываемые покоряющимся горцам».

«Покорные горцы должны:

1. Немедленно выдать аманатов от этих аулов. Командующий войсками предоставляет себе назначить, сколько и из каких фамилий означенные аманаты должны быть выданы.

2. Принести присягу в покорности российскому императору и предоставить через старшин присяжные листы российскому начальству.

3. Исполнять все требования и приказания русского пристава, который будет назначен правительством.

4. По требованию пристава выставлять арбы или ишаков для перевозки тяжестей, в случае движения отряда выделить людей для устройства дорог и мостов...

5. Не переходить из одного аула в другой для постоянного жительства без дозволения местного начальства...» [13, с. 264-265].

Так было на местах. Документы, составляемые в Петербурге, выглядели несколько иначе.

В 1830-м году особый комитет составил положение об устройстве Закубанского края, где говорилось:

«1. Показывать горцам превосходство господствующего образованного народа над грубыми племенами.

2. Преследовать и наказывать вооруженною рукою хищничества, грабежи и разбой кавказских народов, щадя к тому неприкосновенных.

3. Являть по временам снисходительность и великодушие высшей власти отличиями и наградами.

4. Вводимыми у горцев исподволь установлениями заставить их почувствовать блага мира, порядка, торговли и просвещения...

8. Пригласить в Анапу почетнейших князей и старейшин закубанского народа и объявить им меры русского правительства, которые будут приниматься для спокойствия Закубанского края и благоденствия живущих там горских племен» [7, с. 334].

Разница между установочным документом Петербурга и «Условиями», составленными Граббе, весьма существенна.

Беда была в том, что представления о благоденствии как у петербургских теоретиков и кавказских практиков с одной стороны, и у горцев с другой – принципиально различались.

Осенью 1841-го года, после отчаянного натиска 1840-го года на береговые укрепления, что в конечном счете не переломило ситуацию в пользу черкесов, теснимые не столько войсками, сколько голодом, горцы заявили о покорности. По поручению Раевского переговоры вел контр-адмирал Л.М.Серебряков, начальник 1-го отделения Черноморской линии. Он

докладывал Раевскому: «Исполняя волю Вашего Превосходительства, я терпеливо продолжал вести с так называемыми представителями натухайскими прения, всю бесполезность коих очень хорошо понимал; я доносил вам, что предложения их так далеки от умеренных, снисходительных требований правительства, что явно изобличали совершенное ослепление насчет положения делили намерение продлить время одними пустыми толками.

Иначе нельзя понять просьбы их: отложить окончательное заключение переговоров до будущей весны, оставаясь до того времени в неопределенном перемирии, и требования, чтобы в противном случае, если на отсрочку не соглашаемся, то взамен даваемых ими присяги и аманатов очистить укрепления и все занимаемые нами пункты от Абина до Анапы, и других дерзких и нелепых предложений, коих едва ли случалось слышать русскому генералу от стада нищих дикарей» [10, с. 70].

Впоследствии Серебряков сменил терминологию и называл горцев «гарнизонам осажденной крепости».

Его бескомпромиссная позиция 1841 года определялась не в последнюю очередь предшествующим опытом переговоров русского командования с черкесами.

В 1837 году генерал А.М. Симборский, командовавший одним из отрядов на Черноморской линии, послал письмо с условиями покорности, утвержденными Николаем, народу убыхов. Среди условий главными были:

«Прекратить все враждебные противу нас действия.

Выдать аманатов по нашему назначению...

Выдать всех находящихся у них беглых и пленников.

Не принимать непокорных в свои аулы без ведома Русского Начальника и не давать пристанища абрекам.

Ответствовать за пропуск через их земли хищников...

Повиноваться поставленному от нашего Правительства начальнику».

Симборский писал: «Добровольное признание над собою власти Государя Императора сопрягается с неисчислимыми для вас выгодами и пользами, которые по милосердию и великодушию Его Императорского Величества прольются на вас в той же степени как и на все благоденствующие под Его Державою народы. В жилищах ваших водворится мир и спокойствие, взаимные ссоры и распри ваши прекратятся и благосостояние каждого будет умножаться произведениями труда его. Свободная торговля с Россией нужными для вас товарами учредится по всему протяжению земли вашей и в службе Государя Императора откроется обширное для вас поприще к приобретению богатства, почестей и славы.

Между тем, в домах своих вы будете управляемы по собственным нравам и обычаям, а вера ваша останется неприкосновенною святыней для всех русских властей» [6, с. 10].

В 1837 году все эти посулы благоденствия на предложенных условиях, совершенно для горцев неприемлемых, были чистой утопией.

Даже Паскевич, не слишком глубоко понимавший ситуацию, сказал в 1830-м году: «Одна мысль лишиться дикой вольности и быть под властью русского коменданта приводит их в отчаяние».

Результат обращения Симборского был вполне предсказуем. Старейшины убыхов ответили: «О неверные русские, враги истинной религии! Если вы говорите, что наш падишах отдал вам эти горы, то он нас не уведомил, что отдал вам нас лично; если бы мы знали, что эти земли вам отданы, то не остались бы на них жить. Мы имеем посланных от султана Махмуда, Мегмет-Ади-паши, королей английского и французского. Если вы сему не верите, то отправим в Константинополь по одному доверенному лицу с вашей и нашей стороны для узнания истины; и если вы в том убедитесь, то должны оставить эти места... Мы поклялись нашей верою и уведомляем вас о том, что не исполним того, что в вашей бумаге написано. Бог будет за нас или за вас!»

Через некоторое время убыхи прислали еще одно послание: «Решительный наш ответ таков: мы не станем вам ни на волос повиноваться». Разумеется, убыхи плохо представляли себе международную ситуацию и были введены в заблуждение турецкими и английскими эмиссарами. В решающие моменты черкесы не получили реальной помощи ни от кого.

Многочисленные народы натухайцев, шапсугов, абадзехов не склонны были к столь радикальным формулировкам, но и принимать условия, которые русские власти пытались им продиктовать, и они отнюдь не были склонны.

«Мы теперь от высокого английского короля получили бумагу, относящуюся ко всем горским племенам от Чечни до самого Бугаса-Кызил-Таша, содержание которой известно и вам; в оной говорится, чтобы черкесы с намерением убийства и грабежа не вступали никогда в российские пределы, россияне же удалились от черкес и более не вступали с войсками в земли наши; на сих условиях следует утвердить договор и возобновить мир и согласие. Объявляя о том и вам, мы уверены совершенно, что дружба и согласие между нами водворятся лишь тогда, когда все войска ваши и крепости будут переведены за Кубань, торговлю же со всеми племенами как водою, так и сухопутьем продолжали бы. Если изъявите на то согласие ваше, то не оставьте почтить нас ответом, а что мы все единодушно согласны покориться, в том нет сомнения и подозрения...

На подлинном подписались: абадзехского, шапсугского и натухайского обществ муллы, все духовенство и почтенные люди» [6, с. 8].

Таким образом, фактически наиболее многочисленные адыгские народы называли покорностью договор о мире, о взаимном ненападении. На этих условиях они, как мы увидим, настаивали почти до самого конца войны, что категорически не соответствовало представлениям радикальной группы российских генералов и постепенно склоняющегося на их сторону Петербурга.

Был однако момент, когда российская сторона готова была пойти на существенный компромисс.

В марте 1858 года – на Восточном Кавказе еще силен Шамиль, – статс-секретарь А.В.Головнин писал начальнику штаба Кавказского корпуса Д.А.Милютину: «Какое государство в мире в состоянии держать постоянно 300

тыс. войска на военном положении и терять в год постоянно по 30 тыс. человек? Какое государство может уделять шестую часть всего дохода на одну область?» [6, с. 8].

В ноябре 1859 года тот же Головнин писал тому же Милютину, дав ему понять, что государство не выдерживает тяжести Кавказской войны: «Если не будет принята целая система самых энергичных мер, то государственное банкротство, т.е. потеря всякого кредита за границей и понижение на 50% и более кредитных билетов в Империи, неизбежно [9, с. 448]. Одной из этих «энергичных мер», по мнению Головнина, было резкое сокращение издержек на Кавказе, то есть, мир с горцами.

В этом же самом ноябре генерал Г.И. Филипсон на свой страх и риск заключил соглашение с абадзехами. Это было знаковое событие, открывавшее путь к общему компромиссу. Сторонников у Филипсона на Кавказе было немного, но они были.

В 1864 году, оценивая происшедшее за последние года, Р. Фадеев неодобрительно писал в своем Четвертом письме с Кавказа: «20 ноября 1859 года в урочище Хомасты генерал Филипсон принял от Мегмет-Амина и старшин присягу верности абадзехского народа на следующих условиях (представляю вкратце, но подлинными словами):

Абадзехи клянутся в верности Императору Всероссийскому на вечные времена.

Они принимают на себя обязательства:

1. Повиноваться начальству, которое будет над ними поставлено.
2. Хищничеств в пределах России не производить, а виновных в том открывать.
3. С непокорными племенами в неприязненных действиях против русских не участвовать.
4. Людей неблагонамеренных у себя не держать.
5. Русских беглых возвращать.

Выдают несколько аманатов. (Эта последняя мера давно уже оставлена на Кавказе как ни к чему не ведущая.)

Они выговаривают себе права: 1. Неприкосновенность веры и свободный отъезд в святые места. 2. Освобождение навсегда от всяких повинностей, податей, рекрутства и обращения в казачье сословие. 3. Тем из них, кто пожелает, дозволяется служить в России, и они могут быть уверены, что их служба без вознаграждения не останется. 4. Права всех сословий абадзехского народа остаются неприкосновенными. 5. Земля остается навеки их собственностью и никакая часть ее не будет занята под станицы. 6. Крепостные остаются во владении господ и если кто из них убежит, то русское начальство должно возвратить его хозяину. 7. Абадзехам предоставляется устроить управление по своему вековому обычаю; для заведования абадзехами будет назначен особый русский начальник. 8. Этот начальник может вступаться в народные дела в тех только случаях, когда увидит изменнические действия или ему будут жаловаться на совет старейшин, составляющих управление.

В договоре не было сказано ни слова о тысячах русских пленных и беглых, находящихся в Абадзехской земле».

Я процитировал не подлинный текст документа, а его пересказ Фадеевым, чтобы был ясен характер отношения большинства кавказского генералитета к стратегии Филипсона.

По сравнению с ситуацией конца 1830-1840-х годов стороны существенно сблизили свои позиции. При всех выговоренных преимуществах абадзехи пошли на то, о чем и слышать не хотели двадцать лет назад – они согласились на русского начальника, надзирающего за ними.

Что же произошло за эти двадцать лет?

Тот же Фадеев в Восьмом письме говорит об этом с изумлением и явным сочувствием черкесам: «Горцы потерпели страшное бедствие; в этом нечего запираться, потому что иначе и быть не могло. Они отказались от милостивых предложений, сделанных им лично Государем Императором и гордо приняли вызов на войну... Горцы сопротивлялись чрезвычайно упорно, не только в открытом бою, но еще большей энергией массы; как отдельный человек в поле не сдавался перед целым войском, но умирал, убивая, так и народ, после разорения дотла его деревень, произведенного в десятый раз, цепко держался на прежних местах. Мы не могли отступить от начатого дела и бросить покорение Кавказа, потому только, что горцы не хотели покоряться. Надо было истребить горцев наполовину, чтобы заставить другую половину положить оружие. Но не более десятой части погибших пали от оружия; остальные свалились от лишений и суровых зим, проведенных под мятелями в лесу и на голых скалах. Особенно пострадала слабая часть населения – женщины и дети».

Надо иметь в виду, что Филипсон заключил договор только с одним народом. Можно предположить, что решающую роль в этом сыграл Магомет-Амин, пораженный пленением Шамиля и подавлением Северо-Восточного Кавказа. Но он обладал влиянием только в пределах земли абадзехов.

Д.А. Милютин писал о положении в конце 1850-х годов: «Мысль о поголовном выселении из гор всего туземного населения и занятий всей предгорной полосы сплошь казачьими станицами – вообще не одобрялась в Петербурге и вызывала сильные возражения... В отношении горцев говорили, что предположенная слишком жестокая мера доведет их до озлобления и отчаянного сопротивления». Именно это и констатировал Фадеев, служивший на Кавказе при А. И. Барятинском как раз последние пять лет войны.

В конце 1850-х годов российская высшая власть, хотя и ободренная разгромом Шамиля, безусловно страшилась перспективы длительной войны на Западном Кавказе. В Петербурге куда лучше понимали реальное положение финансов и экономики страны, чем на Кавказе.

Но к полномасштабному компромиссу, включающему существование русских укреплений на землях адыгов, горцы были не готовы. Русские власти не собирались терять контроль над уже захваченными территориями.

М.И. Венюков, путешественник и этнограф, уже отличившийся при освоении Дальнего Востока, а в начале 1860-х годов командовавший батальоном на Западном Кавказе, свидетельствовал: «Когда Государь прибыл на Кавказ (август 1861 года. – Я.Г.), то охотно изъявил согласие на прием горских старшин, которые должны были заявить свои пожелания. Кажется, что

в то время в высших правительственных сферах не было решено, вытеснять ли горцев с их земель или оставить их там, ограничься проведением через их земли дорог и постройкою укреплений? Следующие слова официального «Обзора царствования императора Александра II», изд. в 1871 г., заставляют думать, что правительство было склоннее на последнюю меру. Именно, в «Обзоре» говорится: «Огромность жертв, которых требовал план изгнания горцев из их убежищ и жестокость такой меры смущали энергию исполнения... Его величество, принимая горских депутатов, предложил им сохранение их обычаев и имуществ, льготы от повинностей, щедрый обмен тех земель, которые отошли бы под наши военные линии, и требовал только выдачи всех русских пленных и беглых. Что же ответили горские старшины? На другой день они представили челобитную, в которой требовали немедленно вывести русские войска за Кубань и Лабу и скрыть наши крепости» [4, с. 415].

Это был последний момент, когда компромисс был возможен и адыги могли остаться на своей земле.

Реальность этой ситуации подтверждает и генерал М.Я. Ольшевский, прослуживший на Кавказе четверть века и, как увидим, горцам сочувствующий: «Представ пред государем императором спешенными и обезоруженными, они (депутаты от горских общества, Черкесии. – Я.Г.) были приняты великодушно явившимся перед ними русским царем. Но так как заявления депутатов были требовательны, то им объявлено было, что в продолжение месяца они должны окончательно решить: желают они ли выселиться из гор на указанные им места, или переселиться в Турцию? В противном случае, с наступлением ноября откроются военные действия и их заставят исполнить уже силою оружия то или другое» [11, с. 528].

Генерал Н.И. Евдокимов и его сторонники свое решение приняли, но, очевидно, еще не решились предъявить его императору как категорическое, зная настроения в верхах.

Решение это было принято еще в 1860-м году. Милютин вспоминал: «Главным предметом совещаний был план военных действий в Закубанском крае. В этом вопросе существенно различались взгляды генерал-лейтенанта Филипсона и графа Евдокимова. Первый отстаивал мнения, изложенные в первой его записке. (Вполне возможно, что компромиссные предложения императора базировались на записке Филипсона, которого он уважал. – Я.Г.) Основная мысль его заключалась в том, что горское население западной половины Кавказа совершенно отлично от половины восточной, что к нему вовсе не применим тот образ действий, который привел к таким успешным: результатам в Чечне и Дагестане, что крутые меры против шапсугов и убыхов только вызовут вмешательство европейских держав, особенно Англии, которая не признает прав России на восточный берег Черного моря. По мнению Филипсона, следовало кроткими мерами при содействии Магомет-амина достигнуть на всем Западном Кавказе такой же степени покорности, которая уже была достигнута относительно абадзехов и натухайцев, стараясь упрочить нашу власть в этом крае только занятием некоторых укрепленных пунктов, проложением дорог, рубкою просек, введением управления сообразно быту и

нравам племен в духе гуманном, не препятствуя торговым сношениям прибрежных горцев с Турцией и т. д. Нельзя не подивиться такому оптимизму Григория Ивановича Филипсона, тридцать лет прослужившего на Кавказе (именно в западной части его) и, стало быть, имевшего довольно времени, чтобы убедиться, как смотрят горцы на гуманность и кротость и как мало можно полагаться на изъявления их покорности» [9, с. 474].

Между тем есть сведения, что первоначально Милютин принял сторону Филипсона – он это впоследствии отрицал, – а затем был убежден Евдокимовым.

По сути дела, Филипсон и Милютин вполне могли быть союзниками. Оба они были военными интеллигентами, людьми образованными и исповедующими умеренно либеральные воззрения.

Александр II, воспитаннику Жуковского, Филипсон был ближе, чем Евдокимов, малообразованный, выслужившийся из нижних чинов, много претерпевший от горцев (дважды был тяжело ранен) и ненавидевший их. Таким образом, весы качались...

Филипсон отнюдь не был наивен и все особенности горского менталитета были ему известны лучше, чем Милютину. Но в отличие от Евдокимова он, последователь Раевского, под началом которого служил, мыслил стратегически и был сторонником процесса, а не одномоментного грубого действия, процесса с фундаментальным результатом – постепенной адаптации горцев к миру европейских представлений и поэтапного включения их в общеимперский организм.

То, что он писал в своей записке о международном аспекте будущей операций, тоже должно было быть внятно императору. Для него – в отличие от Евдокимова, – мнение Европы не было пустим звуком.

Цитируя «Обзор царствования императора Александра II», Венюков делает чрезвычайно существенное добавление: «Факт этот верен, да только в рассказе не договорено кое-что, что, может быть, было и неизвестно рассказчику и что именно я хочу здесь сообщить. После милостивого приема Государем депутатов, граф Евдокимов сильно опасался, что горцы примут императорское предложение и останутся на своих землях, под «покровительством» России, чего он никак не хотел допустить, порешив в своем уме выгнать их из гор всех до последнего. Зная легковёрность азиатов, он командировал к ним ночью своего приближенного, полковника Абдеррахмана, и приказал ему внушить горцам, что они могут требовать теперь всего, даже удаления наших войск за Лабу и Кубань и срытия укреплений. Те поддались на коварный совет, и участь их была решена» [4, с. 416].

Венюков был серьезным ученым. Он ссылается в данном случае на надежный источник и есть все основания предположить, что его рассказ соответствует реальности.

Трагическая судьба адыгских народов была определена двумя факторами. Во-первых, неготовностью горцев к глубокому компромиссу, существенно менявшему не просто образ их жизни, но и фундаментальные их представления о своем месте в мире, представление, важнейшим элементом которого было

осознание свободы, которую русские авторы называли «дикой вольностью». Во-вторых, борьбой генеральских группировок в верхах Кавказского корпуса, одна из которых вообще отрицала возможность компромисса.

Надо иметь в виду, что Филипсон был явно не одинок в своем понимании грядущей трагедии. Цитированный нами генерал Мелентий Яковлевич Ольшевский, хотя и не высказывался прямо в поддержку позиции Филипсона, но в его воспоминаниях есть пассажи, свидетельствующие о его искреннем сочувствии черкесам.

Достаточно привести два взгляда на план Евдокимова, чтобы понять принципиальное различие существовавших позиций.

Венюков, отнюдь не ретроград, корреспондент Герцена, последние десятилетия своей жизни проживший в Европе, в эмиграции, писал о плане переселения горцев на равнину: «Длинная полоса земель вдоль левого берега Кубани, от самого ее истока, где жили издавна уже покорные карачаевцы, до начала дельты, предназначена была в исключительное их пользование. Таким образом, выходя из родных гор, они оставались ввиду их, в отношении производительности почвы ничего не теряли, а в отношении удобства сбыта своих произведений даже выигрывали. Одно могло не нравиться им: близость надзора русских, которых селения окружали их земли со всех сторон... Факта подобного этому я не знаю в истории никакого государства, кроме России. Янки Соединенных Штатов выгоняют индейцев из гор, но лишь затем, чтобы их истреблять. Англичане в Австралии, в Новой Зеландии истребляют туземцев и в горах, и на равнинах, иногда с ружьем и собакой, как зверей. Мы же долго боролись с черкесами как с равными противниками, и когда одолели их, то честно уступили им земли, которые могут служить предметом зависти для самых цивилизованных племен» [4, с. 435].

Однако куда более опытный и лучше знавший горцев Ольшевский смотрел на ситуацию существенно по-иному: «Променять свои заветные, дышащие здоровьем, свободой, независимостью горы и леса на зловредные равнины Черноморья и болотные низменности Большой Лабы не значит ли отдать себя на жертву лихорадок? И действительно, если страшно болели живущие там казаки, как родившиеся среди миазм, или переселившиеся туда с степного пространства, то каким образом могли перенести эту миазму жители гор, дышавшие всегда свежим, здоровым воздухом?

К тому же каждый абадзех, шапсуг, убых понимал, что, с переселением в Черноморию или на Лабу, он будет лишен той независимости и свободы, которой пользовался в трудно доступных для нас горах и лесах? «

Венюков не учитывал – помимо прочего, того фактора, который так ясно очертил Ольшевский – фактора психологического – крушения традиционного мира, с которым человеческое сознание, особенно консервативно-патриархальное, расстается мучительно.

Сам же Венюков трезво осознавал положение, в которое могли попасть переселившиеся на равнину горцы: «Должен однако заметить, что граф Евдокимов, который был непосредственным исполнителем официального «проекта заселения западного Кавказа», не слишком заботился об участии

горцев, выселившихся на прикубанскую низменность. Его твердым убеждением было, что самое лучшее последствие многолетней, дорого стоившей России войны, есть изгнание всех горцев за море. Поэтому на оставшихся за Кубанью, хотя бы и в качестве мирных подданных, он смотрел лишь как на неизбежное зло и делал все, что мог, чтобы уменьшить их число и стеснить для них удобства жизни» [11, с. 532].

Филипсон был не единственным противником этой тотальной доктрины Евдокимова. Позицию Филипсона поддерживал, по свидетельству того же Венюкова, и начальник Генерального Штаба Кавказской армии генерал А.П. Карцов, выпускник и преподаватель Военной академии, военный историк и теоретик. Но Евдокимов в это время уже пользовался поддержкой императора.

Методы, которыми проводилось вытеснение черкесов из мест их проживания, и ужасающие последствия этих методов известны.

Теперь мы представляем себе картину столкновения мнений в высших кругах кавказского генералитета, реальную расстановку сил и то уважение, которое питала немалая часть русского офицерства к своим противникам. Более того, с конца 1850-х годов просвещенная часть русского офицерства, служившего на Кавказе, стала разрабатывать проекты мирного включения горцев в структуру российской империи. Примером может служить очерк С. Иванова «О сближении горцев с русскими на Кавказе» и полемика с ним Н. Августиновича, также продумывавшего способы «сближения». Судя по содержанию очерка С. Иванова, он хорошо знал быт кабардинцев [1, 5].

Основные идеи обоих авторов, по сути дела, восходят к идеям адмирала Мордвинова с их экономическим пафосом.

Если учитывать все вышесказанное, можно ли считать трагедию Черкесии жестко детерминированной? Полагаю, что нет.

Я не принимаю известную формулу: «История не знает сослагательного наклонения». Без анализа вариантов невозможно понять степень закономерности и смысл реально происшедшего.

Почему народы Чечни и Дагестана, сопротивлявшиеся имперской экспансии дольше и не менее ожесточенно, чем адыги, остались на своей исторической земле? Колонизационная проблема?

Но если горный Дагестан не представлял в этом отношении интереса для Петербурга, то плодородная плоскость Чечни была заманчивым приобретением. И тем не менее, несмотря на неоднократные переселения групп чеченцев с места на место, в основном они остались на своей земле. Хотя их присутствие представляло несомненную опасность и после окончания Кавказской войны.

Можно с достаточной долей уверенности утверждать, что происшедшее с Черкесией было трагическим недоразумением, вызванным совокупностью различных обстоятельств и в значительной степени личностным фактором.

Горская элита Черкесии, находясь в плену мифологизированных представлений о международной ситуации и реальных возможностях России, пропустила благоприятные моменты, когда можно было пойти на компромисс с наименьшими для народов издержками. Основная масса горцев до последнего

периода не могла примириться с потерей главного – представления о себе как о людях свободных, что вело к снижению уровня самоуважения, фактора для горца фундаментального. Не говоря уже о том, что согласие даже на умеренные требования, включавшие в себя появление русского начальника с правами контроля, воспринималось как измена традиции предков.

Что касается российской стороны, то здесь значительную роль сыграла личность генерала Евдокимова со всеми его особенностями и отсутствие у высшей власти, как и у большинства кавказских генералов, стратегического взгляда на будущее Кавказа и России.

Ю. Толстой, биограф генерала Е.А. Головина, занимавшего в конце 1830 – начале 1840-х годов пост командующего Кавказского корпуса, писал на рубеже 1860-1870-х годов, когда была уже возможность трезво оценить результаты шестидесятилетней войны: «Самые лица, призванные к начальствованию этим краем, кто были они? Генералы, отличившиеся воинской доблестью – это правда! Но если с усилием подавив чувство восторга, невольно вызываемое в русском всяким подвигом воинской отваги, по совести спросить себя: кто из этих генералов заботился не о преходящей, часто бесследно, славе удачных поражений неприятеля, но о более прочной славе установления гражданского порядка, применениям требований этого порядка к местным требованиям, водворении в самих туземцах сознания, что порядок этот обеспечит их собственное благополучие, если поставить этот вопрос, то в длинном ряду правителей Закавказья не на многих именах можно остановиться». Ю. Толстой называет Цицианова, Ермолова, Воронцова и Барятинского. Это были – каждый в своем роде, – незаурядные люди, но вряд ли они в полной мере отвечали требованиям Ю. Толстого.

При том, что он совершенно точно поставил вопрос, он не обладал достаточным знанием исторического материала. Он должен был назвать Раевского, Филипсона, Карцова. Но свой пассаж Толстой заканчивает формулой, которую можно назвать ключевой в нашей проблематике. – «... Покорение Кавказа должно быть скорее нравственное, чем военное».

Мы знаем, что высшие власти империи долгое время не поддерживали идею тотального выселения адыгов. И с уверенностью можем предположить, что окажись на месте Евдокимова не менее авторитетный для Петербурга Филипсон – что было вполне вероятно при соответствующем стечении обстоятельств, – то реализовался бы иной вариант российско-кавказской истории.

Пушкин, немало думавший о Кавказе, глубоко понимавший сложность исторического процесса, рассуждая именно о возможности вариантов, в качестве одной из главных сил, влияющих на ход процесса, назвал «случай, могучее орудие Провидения»

И учитывая принципиальную многовариантность исторического процесса, надо тем более помнить завет мудрого Ключевского: «История, быть может, ничему не учит, но жестоко наказывает за невыученные уроки».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Августинович И.* По поводу статьи г. Иванова «О сближении горцев с русскими на Кавказе», помещенной в 6-й книжке «Военного Сборника» // Военный сборник. – 1859. – № 7. – С. 201-214.
2. *Архив графов Мордвиновых:* в 10 т. / предисл. и примеч. В. А. Бильбасова. – Санкт-Петербург: Типография И.Н. Скороходова, 1901-1903. Т. 5. 1902. XXII, – 743 с.
3. *Архив Раевских:* Т. 1-5 / Изд. П.М. Раевского; Ред. и примеч. Б.Л. Модзалевского. – Санкт-Петербург: тип. М.А. Александрова, 1908-1915. Т. 3: Письма 1839-1841 гг. 1910. XVII, – 718 с.
4. *Венюков М.И.* Кавказские воспоминания. 1861-1863 // Русский архив, издаваемый Петром Бартеневым. – М.: Типография Лебедева, 1880. Книга 1. – С. 400-448.
5. *Иванов С.* О сближении горцев с русскими на Кавказе // Военный сборник. – 1859. – № 6. – С. 541-549.
6. *Кавказский сборник.* Т. VIII. Приложение. – Тифлис: Типография Окружного Штаба, 1884. – 368 с.
7. *Короленко П.П.* Закубанский край (К истории Западного Кавказа) // Военный сборник. – 1893. – № 4. – С. 329-351.
8. *Лермонтов М.Ю.* Собрание сочинений: в 4-х томах. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1981. Т. 4. Проза. Письма. – 590 с.
9. *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1856-1860. – М.: Российская политическая энциклопедия. 2004. – 560.
10. *Морской сборник.* – СПб.: Типография Морского Министерства, 1865.
11. *Ольшевский М.* Кавказ с 1841 по 1866 год. – СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2003. – 608 с.
12. *Осада Кавказа.* Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. Сборник. – СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2000. – 688 с.
13. *Условия, предписываемые покоряющимся горцам, составленные ген.-адъют. Граббе // Движение горцев Северного Кавказа в 20-50 гг. XIX века.* – Махачкала: Дагестанское книжное издательство. 1959. – С. 264-265.
14. *Федоров М.Ф.* Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 // Кавказский Сборник. Т. III. – Тифлис: Типография Окружного Штаба Кавказского Военного Округа, 1879. – С. 6-91.
15. *Шаховской И.* Воспоминания о Кавказе // Военный сборник. – 1876. – Т. 111, № 9. – С. 221-237; – № 10. – С. 447-468.

УДК 93/94 (479)

DOI: 10.31143/2542-212X-2017-1-69-85

РОССИЯ И ЧЕРКЕСИЯ – ТРАГЕДИЯ БЕСКОМПРОМИССНОСТИ**Я.А. ГОРДИН***Литературно-художественный общественно-политический журнал «Звезда».**191028 Санкт-Петербург, ул. Моховая, д. 20**E-mail: mail@zvezdaspb.ru*

Аннотация. В работе исследуются представления русских государственных деятелей и генералитета о способах «замирения» Кавказа и превращения горцев в мирных подданных империи и предложения, сделанные горцам в разное время представителями российских властей. Особое внимание обращается на принципиальное несовпадение взглядов на

решение проблемы формата взаимодействия у горцев и группы радикального генералитета. Ограниченность имперского мышления, представленная наиболее отчетливо во взглядах и действиях генерала Евдокимова, обусловила непонимание в Петербурге реальной ситуации и сути проблемы кавказско-российского сосуществования.

Исследователем ставится вопрос о причинах неспособности враждующих сторон к заключению взаимоприемлемого согласия. Вытеснение черкесов из мест исторического обитания, трагедия Черкесии видится автором, как результат ненайденного компромисса.

Ключевые слова: Кавказская война; Черкесия; замирение; генералитет; горцы; имперское мышление; трагедия; компромисс.

RUSSIA AND CIRCASSIA – THE TRAGEDY OF UNCOMPROMISING

Ya.A. GORDIN

Literary and artistic socio-political magazine «Zvezda».

191028 St. Petersburg, Mokhovaya st., 20

E-mail: mail@zvezdaspb.ru

Abstract. The work examines the views of Russian statesmen and generals about the ways to «pacify» the Caucasus and turn the highlanders into peaceful subjects of the empire and proposals made to the Caucasians at different times by representatives of the Russian authorities. Particular attention is drawn to the fundamental mismatch of views on the solution of the problem of the format of interaction of the highlanders and that of the group of radical generals. The limited nature of imperial thinking, represented most clearly in the views and actions of general Yevdokimov, caused a misunderstanding of the real situation and of the essence of the problem of Caucasian-Russian coexistence in Petersburg.

The researcher poses the question of the reasons for the inability of the warring parties to achieve mutually acceptable consent. Displacement of the Circassians from the places of their historical habitat, the tragedy of Circassia, are seen by the author as a result of an unachieved compromise.

Key words: Caucasian war; Circassia; pacification; generals; highlanders; imperial thinking; tragedy; compromise.